

8-й годъ изданія.

Цена отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

СРЕДА, 12 марта 1914 г. № 2216

СРЕДА, 12 марта 1914 г. № 2216

КЪ ДЕСЯТИЛЕТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЧЕХОВА.—СБОРНИКЪ «СЛОВО».—ПСИХОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЪ ТВОРЧЕСТВА ЧЕХОВА.—СЮЖЕТЫ И МЫСЛИ.—ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ.—ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА И ЧЕХОВЪ.

У насъ не умиютъ еще пѣить и культурно-чествовать память писателей. Пепель забвенья слишкомъ быстро покрываетъ даже не остывшія еще вполнѣ чувства общества и читателей. А затѣмъ ледъ равнодушія и утраты памяти и совершенно вытѣсняетъ изъ общественнаго ума и сердца писателя, который еще недавно былъ въпчаемъ лаврами, срывалъ аплодисменты и едва-ли не получалъ божескія почести.

Антонъ Павловичъ Чеховъ съ большимъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу къ славы. Но жизнь начала его баловать слишкомъ поздно. Уже начали гаснуть его силы, и трепетный духъ боролся въ тискахъ туберкулеза, когда пришла къ нему слава, когда ему все заулыбалось вокругъ, когда жужда отошла въ прошлое, и радости счастья могли

родиться легко и красиво. Но и все же, когда Чеховъ всталъ во весь свой большой ростъ передъ Россіей, когда силою своего галанта онъ покорилъ все общество и даже съ круги его, которые шепчутъ и относились къ его прошлой литературной деятельности въ Суворовскомъ домѣ, — все же, въ концѣ концовъ, мы оказались невнимательными къ крупному писателю, бриллианту русской литературы.

Всѣ понимать, конечно, то тѣлостное впечатлѣніе, которое оставила у всѣхъ встрѣча тѣла Чехова, прибывшаго изъ-за границы въ Петербургъ. Тѣло привезли въ товарномъ вагонѣ съ надписью: «устрицы», а изъ многочисленной толпы, недавно по-сторженно пріѣхавшей писателя, удосужилось прійти на эту печальную встрѣчу всего вѣсколько десятковъ чело-вѣкъ.

Смерть Чехова раскрыла вскорѣ всю глубину нашей потери и всю величину несчастья, постигшаго русскую литературу. И, къ счастью, мы должны теперь признать, что, вопреки русскому обилию, память Чехова теперь почтена самымъ достойнымъ образомъ.

Прежде всего, мы имеем полнейшее собрание его произведений, вплоть до ничтожных мелких проб пера. Затѣмъ, къ десятилѣтію его смерти издано уже четвертое издание покойнаго писателя. И, наконецъ, на-дняхъ вышелъ очередной сборникъ книгоиздательства писателя въ Москвѣ «Слово», посвященный весь цѣликомъ А. П.

Чехову. Какъ и письма Чехова, такъ и этотъ сборникъ, вышелъ подъ редакціей сестры покойнаго Марьи Павловны, которая сыграла такую прекрасную роль ангела-хранителя своего брата въ теченіе всей его жизни, и которая всю заботливость любви своей къ нему проявляетъ и теперь, послѣ его смерти, свято и благоговѣнно почитая его память. Пора уже воздать должное Марин Павловнѣ. Безъ нея, безъ ея рѣдкой, исключительной и пламенной заботливости о братѣ, врядъ ли удалось бы кому-нибудь изъ біографовъ Чехова собрать такой полный и богатый матеріалъ...

Въ этомъ отношеніи Чеховъ стоитъ, можно сказать, особнякомъ въ русской литературѣ. Посчастливилось ему, можно сказать. Но посчастливилось не только ему, но и русской литературѣ.

II.
Сборникъ «Слово» — сборникъ Чеховскій. Въ него вошли неизданные драматическія и беллетристическія произведенія Чехова, его публицистическія статьи въ «Новомъ Времени», письма къ Чехову видныхъ литераторовъ и, наконецъ, заимки изъ его записной книжки и изъ отдельныхъ листкахъ.

Наибольшую цѣнность представляют именно послѣднія. Это чрезвычайно любопытный матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ даетъ возможность читателю пропустить въ лабораторію творчества любимато писателя, заглянуть въ его душу, распознать нѣкоторыя интимныя его переживанія. Записная книжка — это секретъ души Чехова и врядъ ли онъ думалъ, что этотъ секретъ будетъ обнародованъ. Но секретъ — слишкомъ цѣненъ, чтобы держать его подъ спудомъ. Въ этихъ обрывистыхъ словахъ, строкахъ, фразахъ, отдельныхъ моментахъ, мы присутствуемъ при проявленіяхъ психологій творчества писателя. Очарованнаго изумительнымъ даромъ воспроизведенія жизни. Съ психологіей вмѣстѣ раскрывается и механическая сторона творчества, — интимное собраніе матеріаловъ, крупныхъ и мелкихъ, называніе ихъ на чужди памяти и стремленіе сохранить ихъ отъ натиска повседневныхъ событий, такъ быстро заслоняющихъ одно другимъ.

Раскрываются и идейный пережиток Чехова, который, под влиянием окружающих его лиц и под дружеским давлением авторитетных для него писателей,

все охотнѣе удалялся стъ первыхъ своихъ меценатовъ и сходился съ широкими общественными кругами въ ихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ.

Эту книжку, которая теперь напечатана чернымъ по бѣлому, Чеховъ вспоминаетъ въ «Чайкѣ». Тригоринъ говоритъ Пипъ о трагедіи писательскаго творчества, которое приковываетъ писателя къ своеобразной тачкѣ.

— Вотъ я съ вами, я волнуясь, — говорить Тригоринъ, — а, между тѣмъ, каждое мгновеніе помню, что меня ждетъ неопытная повѣсть. Вижу, вотъ облако, похожее на роаяль. Думаю, надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на роаяль. Пахнеть геліотропомъ. Скорѣе мотаю на усъ: притертый запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Довлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ, и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось, пригодится.

И тутъ же демонстрируетъ эту при-
ванность, записывая въ книжку сюжетъ о
чайкѣ.

У Чехова-реалиста, вообще трезвочайно искреннего, искренне вылилось и признание писателя Тригорина Нилъ. Чеховъ говорилъ про себя, думалъ свои собственные интимныя думы, отражалъ секреты психологій своего творчества и его тайныхъ механизмовъ.

И вот теперь эта книга, эти записки, перед нами. Чего-чего только в них есть! Что только ни торопился занести в свою книжку Чехов! Это, действительно, была сквозинность и прикованность. Чехов точно вечно терзаясь и мучился за свою память. Он торопился отменить двумя-тремя штрихами то, что мелькнуло в его душе: образъ, настроеніе, впечатлѣніе, удачный типъ, мѣткое словцо, характерная фраза, любознательное имя собственное, остроумная шутка.

Все это — точно золотая пыль, покрывающая книжки покойного писателя. Это тв атомы, из которых создавать и должен был еще много создавать писатель-реализм, так называемый претворивший жизнь в аппарат своего утонченного творчества. Это блестящие, руководящие, хотя и оборванные ниточки, намеки и полуслова, очертания больших и правдивых художественных возможностей, уже горюющих в мозгу писателя, но так и оставшихся в своем аморфном состоянии.

III.
Точно писатель шел по большой дороге
жизни, и подбирает, как сухой крошки

хлѣба, всѣ жизненные впечатлѣнія. Вотъ
опѣ, грустный, быть можетъ, въ предчув-
ствіяхъ неизбежности того процесса, кото-
рый происходилъ въ его организмѣ, и кото-
рый онъ, врачъ, отлично понималъ, — за-
думывается надъ собой, и рука чертитъ въ
книжкѣ: «а у него на душѣ, какъ каза-
лось ему, ш е л ѣ с н ы ѣ г ѣ», но тот-
часъ творчество перерабатываетъ личное въ
общее и рука чертитъ новые слова: «онъ
боялся любить Надю, потому что былъ
старъ для нея».

Вотъ писатель скептически пронизываетъ насъ людьми и рождается афоризмъ: «изъ записокъ старой собаки: люди не ѣдятъ помоевъ и костей, которые выбрасываетъ кухарка: глупцы!» Отвѣчая, быть можетъ, на философскіе споры дня, онъ записываетъ: «противиться злу нельзя, а добру можно». И, быть можетъ, по ассоціаціи идей, тутъ же приписываетъ удачное сравненіе: «онъ льститъ властямъ, какъ полкъ».

«Вѣда въ томъ, что самые простые вопросы, — пишетъ Чеховъ, — раскрывая подоплеку своего отношенія къ жизни, — мы стараемся рѣшать хитро, а потому и дѣлаемъ ихъ необыкновенно сложными. Нужно искать простое рѣшеніе».

И Чеховъ подходитъ просто къ жизни, и въ результатѣ, онъ, видя это простое даже и въ сложности, — засыпаетъ страницы своей книжки безконечнымъ количествомъ жизненныхъ сюжетовъ, красивыхъ и упрощенныхъ, интересныхъ и анекдотическихъ, важныхъ и малозначимыхъ.

Вотъ трагическій сюжетъ. Некрасивая дочь впавшихъ въ бѣдность родителей не хочетъ, вопреки совѣтамъ матери, идти на улицу искать заработка. Наконецъ, идетъ. Безобразіе дѣвушки отталкиваетъ отъ нея мужчинъ. На другой день ее взяли какихъ-то три безобразника, уплатившихъ никому негоднымъ лоттерейнымъ билетомъ...

А вотъ рядомъ и комедія жизни: Двѣ жены — одна въ Петербургѣ, другая въ Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубійства. Въ концѣ концовъ, нашелъ средство: поселилъ обоихъ женъ вѣстѣ. Онѣ, въ недоумѣніи, точно окаменѣли. И молчали, и стали тихи.

Это писать веселый и беззаботный Чехонте, который вечно боролся на первых ступенях своего творчества с Чеховыми. Стихи милых, веселых чехонтевских мотивов много в книжке. Здесь фигурируют девицы, которого офицера с женой не признавали за человека и который нити мысли обонх в баву. И чиновник, который дерет сына даже за отщепку пяти, а потом, узнав про свою ошибку, дерет его за эту ошибку. И семинарист, который зубря латынь, «сравнивает» телят, что че-

резь каждые полчаса бьгаетъ въ дѣвичью и
идишь дѣвушекъ. И радикалка, которая
крестится тайно ночью, и, поднимаясь предъ
разсудкамъ, свариваетъ kota. И губернант-
ка по прозвищу — «Жестикудация», и
«отецъ іерохиандритъ», и пшиазистъ съ
усами, который прихрамываетъ изъ кокет-
ства, и барышня, которую прообразили
«касторкой» и которая поэтому не вышла
замужъ, и реплика среди серьезной рѣчи по
адресу маленькаго сына: «застегни брю-
ки»...

А потомъ переходныя темы.

Классная дама, идя вечеромъ домой, услышала отъ знакомой, что будто въ нее влюбился X и хочетъ сдѣлать ей предложеніе. Классная дама всю ночь не спитъ. Въ утру она чувствуетъ себя уже окончательно влюбленной въ X. А потомъ, въ полдень, обнаруживается ошибка... X. женится не на классной дамѣ, а на другой дѣвушкѣ.

Представьте себѣ Чехова, который такъ ажурно-тонко рисовалъ смятеніе женской души, ея порыванія, ея тихія печали,—и можете себѣ вообразить, какой жутко по-вѣяло бы отъ этой драмы-анекдота подъ перомъ Чехова.

А вотъ Тиховъ позднѣйшей формациі:
«N, жена товарища прокурора, по-
томъ члена суда, потомъ члена
судебной палаты, человека средня-
го, неинтереснаго, очень любить му-
жа, любить до гробовой доски, пишетъ ему
трогательныя, кроткія письма, когда узна-
етъ объ его ошибкахъ и умираетъ съ трогательнымъ выраженіемъ любви. Она любила,
очевидно, не мужа, а кого-то другого, выс-
шаго, прекраснаго, не существующаго, и
на мужъ изливала эту любовь. Потомъ
послѣ ея смерти, слыша-
лись въ домѣ ея шаги».

Даже реалист Чехов не выдерживает здесь жизненной неправды и допускает даже самый явственный элемент. И, видимо, этот сюжет захватил его в тот момент, когда голова его набрасывала контуры будущего рассказа.

А потоку припав другія впечатанія былія и вытисненія этотъ прекрасный сюжетъ, одинъ изъ многихъ, въ которые Чеховъ вкладывалъ всю прѣжность своей души, удивлялись, когда онъ писалъ о женщинахъ, ихъ томленіяхъ и ихъ скорби.

И вот, подите же,—какой страшной
жестокостью! Чужды—
Женщины—здесь, в ряды страдальцев своей
питимной выжили, буквально расколоты и
даже грубо по отношению к женщинам.

Остается познать, что страдания сами
себя не убивают, но, по известности мно-
гих людей, эти самые страдания могут
быть полезны не только для самих людей, но

определенной полосе жизни Чехова и его творчества.

И, наконец, ряд цитат, приведенных Чеховым, относится еще к тому периоду, когда он «мелькал» своей работой в малой прессе и когда начинал подчиняться духу суворинской газеты, которая не могла не отразиться на Чехове.

А вѣдь то было время (восемьдесятъ-
ды въ первой половинѣ) господства вѣ-
домъ Времени: разнаго рода Скаль-
скихъ—Вопросительныхъ Законовъ, кото-

стумбли изъ женскаго вопроса сдѣлали въ
сплошное порнографическое непотребств.
И, какъ бы былъ чужокъ къ жизни Чеховъ,
все же онъ, повидимому, заражался в-
строениемъ среды и отразилъ на себѣ и
влияніе.

«Сколько между дамами пиджоток! В этом так привыкли, что не замечают этого», — пишет Чехов, а затем прибавляет мысля о разнице между мужской и женщиной: «женщина, старая, и больше и больше углубляется въ бабы дѣла а мужчина, старая, все больше и больше идетъ отъ бабы дѣла». «Женщина является подъ обаяніемъ не искусства, а шума, производимаго состоящими при ней людьми». «Интеллигентныя или вѣрно образованныя въ интеллигентному кругу женщины отличаются живостью». «У настоящихъ получается изъ гусеницы бабочка, а у людей—наоборотъ: изъ бабочки гусеница».

Относительно модного тогда вопроса / равноправия женщин, Чахотка наизусть нужнымъ записать лишь одинъ, весьма притомъ дешевый эфоризмъ: «какіе пустяки — эти различия о презрѣнныхъ женщинахъ. Если собою изложить табакитку, то вѣдь и собаку приплатить».

Таких эффе́ктов у Чахова весьма много, и мы вышли во всей массе изредка только два имени, которые резко контрастируют со всеми этими одиозными рассуждениями типичной позорничательской философии по женскому вопросу.

Но без удивления, после этого, читая похвалы восточные: «Когда женщина разрушится, как мужчина, это нечто естественное и это всё понимают. И где же она хочет или пытается соединить с мужчиной, то это находится естественным и от этого не зависит». И он более разительно вдруг изменил отношение: «Вообще, где женщины бурно и легко увлекаются, как мужчины, прочитав эти восточные сказки».

Конечно, все это представляло немалое сопоставление между двумя сторонами, давая друг другу. Человек, который отталкивался от этой «Новой России». Это со-

вление даетъ дѣлать къ пониманію публицистической критики, которая была сурова на первыхъ порахъ къ Чехову. Почему знать, быть можетъ, эта суровость и эта рѣзкость вѣрема остановили писателя обложного къ легкой шуткѣ, которая вѣдъ всегда увлекаетъ, отъ дальнѣйшихъ повременскихъ экскурсій, въ которыхъ, въ концѣ концовъ, онъ раскаялся, которыя въ концѣ концовъ, онъ заклеилъ жесткими словами. Н. К. Михайловскій, въ письмѣ къ Чехову (въ этомъ же сборникѣ напечатанномъ) пишетъ, между прочимъ: «Школа («Новаго Времени») сдѣлала, что могла: приучила васъ къ обрывочности и къ прогулкѣ по дорогѣ, незнамо куда и незнамо зачѣмъ». Предостерегая отъ гибельнаго вліянія сувороновщины, Михайловскій энергично возражалъ противъ аргумента Чехова, что его, молъ, фельетонъ вытѣсняетъ какую-нибудь нововременскую дрянъ. «Этого никогда не будетъ и быть не можетъ, — писалъ Михайловскій. — Ради вашего разсказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжныя писанія Жителя, ни патристическая наука Эльпе. Я думаю, вы сами съ этимъ согласитесь. Вашъ разсказъ поступитъ въ общій котелъ, ничего собой не замѣнивъ и не измѣнивъ»... «Не индифферентны ваши разсказы въ «Нов. Времени» — они прямо служатъ злу».

И теперь никто, конечно, не можетъ сказать, что Михайловскій преувеличивалъ размѣры опасности, угрожавшей таланту Чехова, — опасности сломаться на первыхъ ступеняхъ развитія своего таланта на острыхъ камняхъ реакціоннаго безпутства, какъ водоворотъ, увлекавшіе людей даже большей силы...

И Плещеевъ тоже видѣлъ въ Чеховѣ непріятный уклонъ въ сторону, которая также была навѣяна близостью къ «Новому Времени». Покойный поэтъ подмѣтилъ въ Чеховѣ восьмидесятыхъ годовъ любопытную черту: Чеховъ говорилъ о своей независимости и о равномъ отношеніи къ либеральнымъ или консервативнымъ дѣятелямъ, а между тѣмъ, обнаруживалъ безспорную боязнь, какъ бы его не сочли за либерала. И эта тонко уловленная Плещеевымъ черта указываетъ ясно, что опасенъ былъ путь Чехова и правы были сто кратъ тѣ, кто постоянно окликали Чехова въ его путяхъ и сигнализировали предостерегающими знаками.

IV.

Такую же двойственность можно найти въ афоризмахъ Чехова, касающихся общественно-политическихъ явленій и идей. Чеховъ же здѣсь въ двойномъ своемъ лицѣ. И можно найти цѣлый рядъ его замѣчаній, которыя отражаютъ мысли какъ разъ про-

тивоположныхъ лагерей. Эти замѣчанія не вложены въ уста героевъ различнаго направленія. Нѣтъ, по контексту ясно видно, что Чеховъ выражалъ собственные свои взгляды. И любопытно подчеркнуть, что, отрицательно относясь во многихъ отношеніяхъ къ русской интеллигенціи, рисуя безпросвѣтную тьму въ русской жизни вообще, въ жизни нашихъ городовъ, въ частности, Чеховъ упрямо не видѣлъ, не могъ видѣть, не воспринималъ жизненныхъ явленій другого порядка. Онъ умеръ вѣдъ наканунѣ революціи. А она шла не внезапнымъ ураганомъ, о которомъ главная физическая обсерваторія узнаетъ за четыре часа, а исподволь, давно и долго нарастая, послѣ перелома въ сѣмидесятыхъ годовъ и большого спозиціоннаго роста къ концу девятидесятыхъ годовъ. Чеховъ проходилъ мимо всѣхъ этихъ явленій. Его аппаратъ точно бездѣйствовалъ. Тонкій, нѣжный, чуткій и воспримчивый, онъ не улавливалъ новыхъ жизненныхъ теченій, не усматривалъ сдвиговъ, не различалъ перемѣнъ, происходившихъ въ странѣ послѣ мертвыхъ сновъ восьмидесятыхъ годовъ.

Странно, въ самомъ дѣлѣ, что такой, какъ фотографическая пластинка свѣточувствительный писатель, какъ Чеховъ, проглядѣлъ цѣлую полосу жизни...

Это очень любопытная черта въ художественномъ творествѣ писателя-реалиста. Самые восьмидесятые годы наложили на его творчество свою обуживающую печать, свое укорачивающее вліяніе. Индивидуальность Чехова была не боевая. Онъ былъ тихій поэтъ тихихъ мечтаній, остраго смѣха, не переходившаго въ бичеваніе сатирой, лирической наблюдательности. Конечно, не въ его натурѣ были бурныя волны и плаваніе по нимъ. Но никто за это писателя винить и не можетъ. Но не видѣть этихъ волнъ такому острозрящему писателю — значитъ — проявить изъянъ въ своемъ воспринимательномъ аппаратѣ. Съ психологической стороны это очень интересно. Но съ историко-литературной, это обстоятельство должно быть принято къ правильному учету для того, чтобы правильно же объяснить отношеніе нашей публицистической критики къ Чехову, отношеніе, которое, какъ показываютъ письма къ нему Михайловскаго и другихъ писателей, было, въ сущности, въ высокой степени бережнымъ и любовнымъ.

Новый сборникъ, посвященный Чехову, въ лишний разъ подтверждаетъ эту мысль, снимая съ оппонентскаго литературнаго лагеря одно изъ необоснованныхъ ходячихъ обвиненій.

А. А. Смирновъ.